

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1871 г.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871.

ЧЕРТА КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Настоящій разсказъ сообщенъ изъ города Владиміра. Такъ какъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ передаваемомъ событіи является князь А. А. Суворовъ-Рымникскій, то мы обратились къ князю съ просьбою разсказать нѣкоторыя подробности. Его свѣтлость кн. А. А. весьма обязательно исполнилъ нашу просьбу и мы записали съ его словъ нижеслѣдующій эпизодъ изъ жизни покойнаго Государя Императора.

Ред.

Въ 1828 году, наканунѣ взятія крѣпости Варны, на сѣверномъ берегу лагера графа Воронцова (впослѣдствіи князя) шли переговоры между нашими уполномоченными и турецкими. Начальники войскъ и жители города рѣшились сдать, но капитанъ-паша заперся въ цитадели и хотѣлъ еще держаться. Государь имѣлъ тогда свое пребываніе на кораблѣ „Парижъ“. Къ нему явился статсъ-секретарь Дашковъ съ донесеніемъ, что турецкое начальство объявило, что несмотря на всѣ предосторожности, принятыя нашими войсками на южномъ берегу, каждую ночь изготовляютъ въ Варнѣ челнокъ изъ тростника, и на немъ отправляется черезъ лиманъ нарочный, который, пробираясь лѣсами, переноситъ депеши къ турецкому генералу Омеръ-Вріону и отъ него доставляетъ отвѣты.

Цѣль Омеръ-Вріона была освободить Варну. Противъ него стоялъ генераль-адъютантъ Бистромъ съ тремя полками 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи; подъ его же начальствомъ и позади его, у самаго лимана, стояли два отряда подъ начальствомъ генераль-адъютанта Головина и генераль-маіора Акинфіева.

Статсъ-секретарь Дашковъ донесъ Государю, со словъ начальниковъ войскъ турецкаго гарнизона въ Варнѣ, что главнымъ препятствіемъ къ сдачѣ крѣпости на другой день будетъ служить сообщеніе капитанъ-паши съ Омеръ-Вріономъ посредствомъ челнока и что въ случаѣ, если посланный изъ Варны достигнетъ своей цѣли, т.-е. передастъ письмо Омеръ-Вріону, то этотъ турецкій генераль бросится всѣми силами на отрядъ генераль-адъютанта Бистрома и востарается соединиться съ варнинскимъ гарнизономъ,

Выслушавши столь важное донесеніе статсъ-секретаря Дашкова, Государь Императоръ немедленно отправилъ флигель-адъютанта князя Суворова на южный берегъ съ приказаніемъ, объѣхать берега лимана и переговоривъ съ генералами Головинимъ и Акинфиевымъ, ѣхать въ Бистрому и остаться при немъ до слѣдующаго утра. Князю Суворову было высочайше повелѣно объявить генераль-адъютанту Бистрому, что „онъ головою отвѣчаетъ за удержаніе своей позиціи до слѣдующаго дня.“

Ночь прошла благополучно. Омеръ-Врионъ ничего не узналъ изъ Варны и на другой день крѣпость сдалась. Но вотъ что происходило въ палаткѣ Карла Ивановича Бистрома. Слова, переданныя ему княземъ Суворовымъ отъ имени Государя, крайне огорчили старика и во всю ночь не было возможности окружающимъ его успокоить. Карлъ Ивановичъ припоминалъ славную свою боевую службу, что онъ служилъ четвертому царствованію: служилъ Екатеринѣ II, Павлу I, Александру I и служилъ Николаю I и что слова, переданныя ему княземъ Суворовымъ, молодымъ офицеромъ, составляютъ для него, Бистрома, невыносимое оскорбленіе, что его жизнь принадлежитъ Царю, но что до чести его и Царь не можетъ коснуться.

Послѣ долгихъ объясненій, Суворовъ вышелъ изъ палатки, надѣясь, что Бистромъ успокоится; но вскорѣ пришелъ за нимъ гвардейской пѣшей артиллеріи полковникъ Статковскій, исправлявшій при немъ должность начальника штаба, и пригласилъ его къ Карлу Ивановичу. Вошедши въ палатку, Суворовъ нашелъ Карла Ивановича сидящимъ молчаливо за столомъ, на которомъ лежали бумага, перо и чернила. Здѣсь присутствовали, кромѣ названнаго полковника, генераль-майоръ Арбузовъ (команд. л. гв. павловскаго полка) и генераль-адъютантъ Воропановъ (ком. л.-гв. финляндскаго полка). Карлъ Ивановичъ былъ очень серьезенъ и обращаясь къ Суворову, сказалъ: „Князь! я васъ прошу написать и подписать тѣ слова, вторыя вы мнѣ передали отъ имени Государя Императора.“

Суворовъ возразилъ, что на это онъ не имѣетъ права, причемъ спросилъ, не сомнѣвается ли его превосходительство въ истинѣ каждаго переданнаго Суворовымъ слова, ибо малѣйшее сомнѣніе въ этомъ случаѣ составило бы для Суворова нестерпимое оскорбленіе.

Карлъ Ивановичъ далъ свое слово, что тутъ нѣтъ и тѣни подвожрѣвнн.

Полковникъ Статковскій замѣтилъ, что два дня тому назадъ тотъ же посланный отъ Государя, передавая высочайшее повелѣніе начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества барону Дибичу (впослѣдствіи генераль-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому),

нѣль долготъ передать его высокопр—ству тѣже слова, которыя такъ глубоко принималъ нынѣ къ сердцу Карлъ Ивановичъ; чѣ слова тѣ были переданы въ присутствіи его же, Вистрома, и всѣхъ тогда окружавшихъ на позиціи начальника главнаго штаба, а что сегодняшнее порученіе было исполнено въ палаткѣ въ присутствіи только трехъ лицъ, и притомъ самыхъ приближенныхъ его прев—ству.

Вистромъ однако отвергъ всякое сравненіе.

Суворовъ счелъ долготъ еще разъ объяснить, что высочайшее повѣніе ему дано въ такую минуту и при столь важныхъ обстоятельствахъ, что, по его мнѣнію, Государь иначе и выразиться не могъ и что если старый и славный слуга четырехъ царствованій и обидѣлся, то милость Царя къ нему слишкомъ извѣстна, чтобы допустить съ его стороны малѣйшее подозрѣніе въ невнимательности Государя къ его славной службѣ и т. д.; но никакія возраженія не помогли. Вистромъ, не возражая ни на что, все твердилъ: „князь, наипшите“, что наконецъ Суворовъ и исполнилъ.

На другое утро Суворовъ возвратился на корабль „Парижъ.“ Узнавъ, что Государь находится на сѣверномъ берегу, Суворовъ немедленно явился къ Его Величеству и донесъ какъ объ исполненіи всего даннаго ему порученія, такъ обо всемъ, слово въ слово, происходившемъ въ палаткѣ Вистрома.

Варна сдалась. Государь осмотрѣлъ весь городъ и возвратился на корабль „Парижъ“. Нѣсколько минутъ послѣ прибытія Государя на корабль, Суворовъ былъ отправленъ на южный берегъ съ письмомъ къ Вистрому отъ Его Величества. Передавая это письмо, Государь Императоръ прибавилъ: „Скажи Карлу Ивановичу, что я именно потому тебя отправляю въ нему съ этимъ письмомъ, что ты тотъ самый, который передалъ ему тѣ слова, которыя его огорчили“. При этомъ незабвенный Государь въ самыхъ милостивыхъ, лестныхъ выраженіяхъ выразилъ свое монаршее „спасибо“ Суворову за его совершенную откровенность.

Письмо Императора привело славнаго Вистрома въ восхищеніе: старикъ плакалъ отъ радости, покрылъ письмо ноцѣлуями и молился за Царя.